

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

- Г. И. Лопатин. Рассказы о чудесах св. Николая (Гомельская область) 2
Из пошехонских материалов. Приметы и поверья. Публикация В. В. Запорожец 5
С. Ю. Пальгов, В. А. Шилкин. Обряд «Дарёнушка» в с. Стрельноширокое
Волгоградской области 6
В. А. Шилкин. Троицкое заговенье в Среднеахтубинском районе
Волгоградской области 7

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОСТРОВНОЙ ГРЕЦИИ

- О. В. Чёха, О. В. Белова. О своеобразии культуры греческих островов 9
К. А. Климова. Народная мифология острова Кефалония 9
О. В. Чёха. Кефалонийские магические практики 12
О. А. Бакулева. Защитная магия послеродовых обрядов на острове Кефалония 15
Я. Б. Яхонтова. Масленичный карнавал в кефалонийских деревнях 19
Д. И. Антонов, Н. Н. Рычкова. Веники и восковые младенцы:
вотивная традиция на Родосе 20

ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИЙ РЭМ

- О. Г. Баранова. Коллекции по традиционной культуре поморов в Российском
этнографическом музее: история комплектования 24
И. И. Шангина. «Деревня настоящего и Деревня будущего»: первый опыт
создания в России музея-скансена 28

ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР

- И. С. Бутов. «По имеющимся сведениям в некоторых местностях империи
появились воздушные аппараты» 32
О. В. Белова. Частушки о гибели самолета «Максим Горький» из собрания
Государственного архива Смоленской области 36
В. А. Дыбо. Из семейных воспоминаний о 1930-х гг. и о войне.
Публикация А. С. Крыловой 39
Н. В. Петров. Брюки, аэростаты и ночевки в метро: война в личных нарративах
и семейной памяти москвичей 42
Н. С. Петрова. «Тайные комнаты» Москвы 46
Д. В. Валуев. Две кражи 1923 года: из истории православных и иудейских храмовых
ценностей Смоленска 49

АРХИВНАЯ ПОЛКА

- Т. П. Лёнгрен. Песенный репертуар Клавдии Барановской 53

ЭКСПЕДИЦИИ

- И. С. Бутов, В. Н. Гайдучик. Белорусские «погодные камни» 58

ЮБИЛЕИ

- Н. Ю. Данченкова. Рыцарь этноинструментоведения. К 70-летию О. В. Гордиенко 61

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- С. М. Толстая. Категория родства и картина мира архангельской деревни 62
С. В. Алпатов. Фольклорные ипостаси религиозного искусства 64
О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 65

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- С. Ю. Харькова. Рябининские чтения — 2019 67
А. А. Карпунина. Конференция «Монголы: традиции и современность» 69
О. Б. Христофорова. III Чтения памяти Е. С. Новик 71

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Российской
Федерации

Проект реализован при финансовой
поддержке ООГО «Российский фонд
культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, до-
цент, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редакто-
ра), канд. филол. наук, Государственный
Российский Дом народного творчества
им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Россий-
ский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения,
Государственный Российский Дом на-
родного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведе-
ния, профессор, Российская академия
музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профес-
сор, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государствен-
ный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, про-
фессор, Институт славяноведения РАН,
Национальный исследовательский уни-
верситет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр
гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт
славяноведения РАН

это ещё до поездки в Парандово на север. На севере я тоже помню многие моменты. Но моменты как раз, которые никто вроде бы из родных не рассказывал, но мне потом объяснили, что это было. Когда я подбежал к окну и увидел поезд, то мать в это время ушла за ягодами, за клюквой ушла, для того чтобы перестать меня кормить грудью, отучить от этого, и мать тогда ушла надолго, отсутствовала. Я помню поездку в поезде, в Петрозаводске помню. Помню, что мне не могли бы рассказать о том, как я отобрал у собаки еду, суп, который ей был налит, и как он мне понравился. Помню, как я залез в шкаф, и там какие-то сухие травы, по моему, сухой, подсушенный, даже несколько поджаренный лук был. Мне тоже очень понравился.

Какого-то представления о том, что наша армия не воевала, сдавалась... ну, на фронт, конечно, шли не с очень большой охотой. Особенно люди, которые провоевали Первую мировую, Гражданскую, да ещё попасть на Вторую мировую войну, это не очень лёгкое дело, но тем не менее шли и сражались.

А. К.: А как Антон Тимофеевич к этому относился?

В. Д.: Ну как, надо идти, никто же не будет за тебя. Кто-то рассказывал, что на заводе директор завода инженера может избить и по морде, а тот на это ответить не мог, тогда его, выясняли, что снимут с брони и отправят на фронт, но на это отец сказал, что терпеть, чтобы тебе по морде надают, и бояться, что тебя отправят на фронт, это ж...

человек должен не бояться этого, быть достаточно смелым и принципиальным.

Погибло очень много людей. Помню, на квартире был, и солдат мне потом, уезжая, подарил шапку со звёздочкой, одну из своих, видимо. Он даже не доехал до фронта, разбомбили его поезд. Муж этой хозяйки вернулся с фронта, но не к хозяйке. Он нашёл какую-то подружку на фронте из Прибалтики и потом жил где-то в Прибалтике. Говорили, что она изменяла ему тоже, так что его оправдывали.

А. К.: А что ты делал во время войны?

В. Д.: Что я делал? Во-первых, нас всё время отправляли на какие-то работы. Естественно, мы работали в зеленхозе (это ещё в начальной школе). Думаю, что там не столько мы приносили пользу, сколько нас бабы закармливали всякими вкусными вещами. Нам давали варенье из щавеля, паточку, чай и еду. А мы что-то там пропалывали, прореживали всё время, как бы помощь какая-то была. Картошку, конечно, мы выкапывали. Дома отец попросил помочь матери. Он купил мне микроскоп. Уходя на фронт, он пошёл и купил в магазине такой переносной микроскоп. Маленький. Шестидесятикратный. Довольно хорошо насекомых можно рассматривать, я очень много пользовался. И сказал, что я должен отработать. Она (мать) шила порты и шила крепления лыжникам. А я шил антабки, это от руки надо было шить. Вот это вот. Вот эта штука. Вот. Ну, потом ведь было тимуровское движение, и оно было достаточно интересное, и оно занимало нас всё-таки, мы не бол-

тались просто, а надо было пойти к какому-то инвалиду и напилить и наколоть ему дров. Обычно этими инвалидами были наши учителя. Они тоже приходили с фронта ранеными и учили детей, а он без руки — куда же ему рубить дрова и т.д.? А мы все умели, и колунуо распластать любое бревно, и перепилить, я не знаю таких людей, какие не умели этого делать. Мы школу снабжали торфом, ездили на торфоболото, на большие расстояния, километров тридцать, и там грузили торф и везли его обратно зимой. Я, кстати, впервые выкурил не папиросу, а сигарку. Было ужасно холодно, мы ехали в открытом кузове без всяких прикрытий и даже без скамеек, стояли, держались, военрук нами руководил. Он посмотрел, все ребята закурили, конечно. «А ты что, не куришь?» Я говорю: «Нет, я не умею». — «Закури, теплее будет, я говорю», — так он мне скрутил сигарку, своей махорки насыпал, прикурил, и я закурил. И стало как-то теплее, хотя холодно было зверски. Это впервые.

Примечания

¹ Дыбо В. А. Между революцией и войной: из семейных воспоминаний / Публ. и примеч. А. С. Крыловой // ЖС. 2017. № 4. С. 46–48.

² Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.

Публикация и примечания
А. С. Крыловой,
Ин-т востоковедения РАН
(Москва)

Никита Викторович Петров,
канд. филол. наук, Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва)

БРЮКИ, АЭРОСТАТЫ И НОЧЕВКИ В МЕТРО: ВОЙНА В ЛИЧНЫХ НАРРАТИВАХ И СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ МОСКВИЧЕЙ

Воспроизводство памяти о Великой Отечественной войне в биографиях, воспоминаниях фронтовиков, «воспоминаниях о воспоминаниях», породило в СССР и в России устойчивые героические нарративы [1; 7]. Таких «нарративов» (в терминологии Дж. Вертша) несколько, и выстраиваются они в соответствии со схемой «мы жили в мире — на нас напали — мы страдали и бедствовали — но, несмотря ни на что, героически победили (иногда в одиночку)» [12. Р. 110–112]. Образовательные институты, медиа, монументы, праздники и юбилеи понуждают условных «нас» транслировать схему снова и снова, делить отечественную историю на «до» и «после» войны 1941–1945 гг. Внутри этого периода мы «помним» то, что написано в учебниках истории и книгах о войне, транслируется в медиа¹.

Помимо историков², в компетенции которых находится исследование текстов коллективной памяти [11], темой Великой Отечественной войны занимались и фольклористы. В книгах [4; 8; 9] и в подборках журнала «Живая старина» (1995, № 2; 2005, № 2; 2015, № 3) зафиксированы устные воспоминания и обобщенная, своего рода «метаколлективная память» — фольклор об этих событиях. При этом личные воспоминания (то, что мы вновь и вновь переживаем, рассказывая о личном, иногда травматичном событии) о войне человека, не имеющего ресурсов и возможностей быть услышанным в публичном пространстве, редко попадают в просторную память коммуникативной, коллективной³, в фольклор.

Предлагаемая читателю подборка основана на материалах проекта

«Историческая память городов»⁴. Все интервью записаны в Москве. Сбор информации осуществляется методами глубинного интервью. Истории, связанные с военными воспоминаниями, возникали чаще всего спонтанно, как продолжение других нарративов (№ 1, 2, 7–9). Среди имеющихся рассказов есть как тексты семейные, которые рассказывают не свидетели события, но вовлеченные в его переживание через опыт родителей, друзей или более старших родственников, так и ретроспективные рассказы очевидцев. Их темы — паника в начале войны и ее последствия (№ 1), тушение зажигательных бомб, которые брали щипцами и помещали в емкость с песком (№ 5, 10), ночевки в метро при угрозе бомбежек (№ 5, 6). Про это детально рассказывают свидетели событий (тогдашние дети) и схематично — их дети и внуки. Причем последние время от времени переводят обычные события в разряд героических⁵ (тушили зажигательные бомбы — спасали здания, № 10). Иногда связующим между рассказом родителей и нарративом детей становится, по Алейде Ассман, «вещный контекст минувшей жизни». Побитая посуда, хранящаяся в шкафу рассказчицы,

имеет ценность сентиментального характера и, входя в разные ансамбли и предметные контексты [2. С. 54], раз за разом напоминает ей о событиях и социальных отношениях довоенного и военного прошлого (№ 9).

В собранных интервью много и личных историй о военной Москве — это рассказы бытовые, подчас курьезные, где сходятся сюжетные линии, которым нет места в «великом» и типизированном военном нарративе: о дефицитных брюках, благодаря которым ребенок не стал инвалидом (№ 4); о том, как москвичи приходили в театр досмотреть прерванный бомбежкой спектакль (№ 3). Общей точкой личных историй о войне оказываются ретроспективные ощущения ребенка: запах деревянных настилов в метро (№ 6), звуки заводского гудка и разбитый нос (№ 7), страх перед голодными крысами, которые могут отгрызть нос (№ 8).

Публикуемые фрагменты интервью делятся на мемуары (личные нарративы, № 1–8) и фабулаты (рассказы о чужом опыте, № 9–11); в конце фрагмента ставится шифр рассказчика, раскрываемый в конце подборки при наличии согласия на публикацию данных.

1. Паника в Москве

А 16 октября [1941 г.] что было? Была паника в Москве... называлось... это паника. [А что... как это было?] Во-первых, с утра объявили по радио, что резкое ухудшение дел на фронте. Но Левитан так всегда говорил, что он панику не вызывал. Но все, конечно, прислушались. Всё начальство уезжало из Москвы. Меня мама, значит, послала за хлебом. Я выхожу во двор — ну, во-первых, я так смотрю на помойку — у нас так отдельно там между домами. На помойке стоят тома: Ленин, Карл Маркс — в общем, всё... бюсты Ленина, Сталина стоят. Так выхожу на улицу — едут грузовики, и там стоя люди едут, уезжают. Идут с рюкзаками. Я как запомнила: женщина, рюкзак и кружечка у неё. В общем, всё. Начальства не было. И тогда говорили, что Сталин тоже собирался уехать. Он доехал до железнодорожной станции и вернулся. Он остался, не уехал. А в общем-то... И немцы, конечно, знали, разведка, конечно же... Но они, наверное, так были уве[рены]... они были вот, 40-й километр по Ленинградскому шоссе. Они, конечно, знали, разведка работала. Но они были уже так уверены, и тем более народ убегае... Они так были уверены, что они без звука, без единого выстрела могли бы войти в Москву. Но они посчитали, что успеют. Но на следующий день уже спохватились, и уже всё... И вот я считаю, гениальное решение Сталина, что когда прошли... прошел парад 7 ноября. Телевизор не было, но мы всё знали, мы всё слышали. И вообще всё вот по-другому стало, по-другому. И вот то, что он не уехал, — это, конечно, сыграло

роль, что все... потом все уже вернулись. А ведь Москву эвакуировали в Куйбышев, там уже <...> Да, вот что. Ну, мы-то жили в центре. Мама пошла в магазин, конечно, тут же. Раньше давали вот карточки: ну, допустим, вот вам килограмм мяса. На это можно было купить или мясо, или котлеты — ну, вот какую-то там треть. Вторую треть — через неделю. Ну, в общем, всё нельзя было купить. Вот частями, поэтапно. Тут карточки полностью отовар[или]. А у нас жила... с нами жила жена моего дяди, нас было пять человек. Маме дали сто котлет... по этим, по мясным карточкам. А говорили, что на окраинах Москвы, не в центре, базы разбирали как хотели. Потому что всё было открыто, всё начальство уехало. И вот я говорю, я сама видела, как вот это... на грузовиках народ уезжал. А моего папу — я вот говорила — что ещё накануне или дня за два сказали, что никакой транспорт... никакого не будет. Если вы х[отите] — идите по шоссе Энтузиастов на восток. Берите свою семью, рюкзаки надевайте... да, даже почти накануне... и идите, эвакуируйтесь, никаких вагонов не будет. И так мы и остались [ШГА].

2. Домашняя еда для сибирских солдат

Ордынка была известна. Она была известна тем, что 6 ноября 1941 года мы вышли, потому что через Ордынку шли сибирские войска на парад. И я очень хорошо помню — зрительно осталось: ребята, светло-светло... дублёночки, полушубку, белый от... мех — на войну шли: белый мех — здесь в талию. А рядом с моим домом 31-м был дом 33. Там <...> открыли окна первого этажа, и все женщины и мужчины выносили горячую картошку, квашеную капусту и хлеб. Нам передавали, а мы отдавали солдатам. [Это когда они шли...] Когда они шли на парад — парад-то был днём — а потом на фронт. И эти ребята, они такие... конечно, они не были удрученны, они молодые, они в полушу... я думаю: «Боже мой, белый отворот, белые манжеты — и ребята идут кровь проливать на фронт». Яркое впечатление у меня это было. А самое главное, что... значит, вот окна, вот тротуар, а вот идут солдаты. И все, кто открывал окна, они не могли даже выйти — холодно было, и они нам давали, а мы передавали, и там было из нашего двора, ещё было много детей, много взрослых, женщины там были, ре... мужиков я не помню. Дети и женщины были, мы всё передавали этим солдатам. Они проходили, улыбались и всё рукой махали, вот так [показывает] рукой [ТЛИ].

3. Театральные представления во время войны

Ну, в [19]42-м вовсю уже работал театр Станиславского и Немировича-Данченко, работал филиал Большого театра. Билеты были дешёвые. Много военных. Ну, конечно, мы приходили, прямо целый рулон покупали, мы свободные граждане, и приходили туда, ну, как к себе домой. Покупали

входные билеты, висели на поручнях и слушали всех. И было очень много очень хороших артистов, которые... Лемешев, кстати, не уезжал. И Лемешева я видела даже, когда вот была на... в театре Станиславского и Немировича-Данченко — там такое было... «Корневильские колокола» ставили. Начинается третий акт, вдруг в зал [заходят]: «Граждане, пройдите в бомбоубежище, тревога объявляется». Это было три или четыре раза. Ну а потом решили уже... да, «повтор — завтра приходите». Да, опять приходила смотрела. А последний раз уже только показывали последний акт, где прервал[и]. Так вот, на одном из спектаклей он был с женой. Ну, конечно, во время антракта все окружили, смотрели, так что я его видела очень близко. Так что он выступал. И много хороших артистов, в Большом театре и в Станиславском были очень хорошие спектакли... очень хорошие... и даже премьеры. Вот была премьера — «Тоску» (опера Дж. Пуччини. — Н. П.) поставили во время войны, замечательно [ШГА].

4. Как брюки, санитарки и аэроостаты спасли ногу москвичу в 1942 г.

О, если бы не этот дирижабль, то перед вами бы сейчас сидел бы инвалид без одной ноги. У меня день рождения 8 августа. Перед этим как-то незадолго... Ну, тогда было... отца уже не было. Вернее, он был, уже в армии, его забрали, он был на фронте. Но организация, в которой он работал, они как-то, знаете, ну, в общем, какую могли заботу они проявляли. Так сказать, о своих сотрудниках, о семьях сотрудников. И как-то раз пришёл, значит, там один сотрудник и принёс ордер. Раньше в магазинах ничего не было, купить было ничего нельзя, из промтоваров во всяком случае, что нужно было. И он принёс ордер на брюки. И мама пошла и купила мне брюки. Это было летом, где-то там в июле месяце, наверное так, я уже и не помню, когда это было. И она мне сказала: «Значит, так, брюки, — говорит, — не одевай. Оденешь их 8 августа [смеется]. Это вот тебе, — говорит, — подарок ко дню рождения». Это был [19]42-й год, значит, мне 11 лет должно было исполниться. Ну, я их и не трогал. А брату, значит, если мне было 11, он на шесть лет моложе меня, значит, ему соответственно пять, да? Он ходил в детский сад. Но детский сад был довольно-таки далеко. Это надо было пройти через Тверской бульвар. Пересечь там, может быть, знаете, Гнездииковский переулоч. Это напротив Елисеева, только на этой стороне. В Гнездииковском пер... Даже немножко подальше, следующий переулоч... Гнездииковский переходили. Там была школа на углу. Не помню, как тот переулоч назывался. Это, по-моему, где вот сейчас наша мэрия, вот тут эти ворота, туда спуститься, вниз. Я его каждый день провозил в детский сад. А встретила его из детского сада, забирала его мама. Я пошёл очередной раз, восьмого... 8 августа

я пошёл его провожать в детский сад. Но меня так подмывало, я не мог вообще вот ждать, когда же будет восьмого августа, и надел эти брюки накануне, седьмого. Ну, ходили в таких... ребята, с бретелечками в этих, в штанах, а мне уж хотелось больно пофорсить перед ребятами. Ну вот, я и одел эти брюки. Значит, иду такой, ребята все прям слюной исходили, потому что у меня брюки вдруг появились. Я проводил брата. Пошёл обратно. А там, где-то прямо там, был когда-то еще кинотеатр «Новости дня», на этой стороне. И там был проходной двор, короче говоря, вот этот вот Гнездиновский переулочек можно было... там был... арочка такая во дворе, и был проходной двор. Я ходил через этот проходной двор брата провожать. И когда я шёл обратно, ну, не знаю, что произошло, вернее, почему это произошло, но там кто-то вот, очевидцы... У меня было такое впечатление, что я вышел на проезжую часть, у меня закружилась голова. Ну, всё-таки уже был [19]42-й год, понимаете, уже год с лишним война, и питание было уже не ахти какое. Так мне казалось почему-то, что у меня закружилась голова. А кто-то там потом маме сказали, кто-то там видел, что я будто бы выбежал из этого проходного двора. В общем, короче говоря, я попал под машину. Меня сшибла грузовая машина. И уехала. А вот где, вот рядом тут же памятник... Пушкин раньше стоял на Тверском бульваре, в конце бульвара. Потом уже его перенесли туда, на площадь. И около этого памятника Пушкина была маленькая воинская часть. Там несколько девушек было. Там было... стоял аэростат. Был он загорожен этими там верёвками, так, чтобы туда не заходили. Ну, и это случилось как раз вот где-то вот в нескольких метрах от этого аэростата, где вот меня сшибла эта машина. Тут же прибежали эти девушки, там были санитарки какие-то. Они, значит, обмыли мне лицо, нога у меня перевернулась, вообще была... открытый перелом обеих костей, нога перевернулась. Я помню, вот так вот поднял, а у меня нога в ту сторону, значит, смотрит. И к счастью... ну, улицы, конечно, не поливали, не подметали, не до этого было. И вот было мое счастье то, что я был в брюках. Поэтому всё вот это, всё, что там было, понимаете, всё было внутри, туда не попала грязь. Если бы туда, были бы такие штаны, туда бы попала грязь, гангрена, и могли бы мне эту ногу оторвать [KEA].

5. Начало войны: ночевки в метро, дежурства на чердаках

Учебная тревога. Объявили её, я не знаю во сколько. Может быть, ночью, может быть, вечером. Во всяком случае, было уже темно, и мы уже все спали. И вдруг, значит... причём был такой приказ, эти были же, репродукторы, такие чёрные, круг такой: «Радио не выключать». Не помню, во сколько оно заканчивало, это радио, наверное, рано, чтобы люди могли спать. И вдруг вот среди ночи вот это радио за-

гудело. Такой, знаете, гудок: «У-у-у» — тревожный такой гудок. И голос Левитана: «Воздушная тревога. Воздушная тревога. Воздушная тревога». Все, значит, вскочили. Что делать? Надо одеваться, темно. Свет зажигать нельзя, потому что маскировка была очень плохая. А так вот включи свет, а где-то если будет пробивать огонь, это тут же... Вот, поэтому в темноте стали одеваться. И как... тогда мальчики носили длинные чулки в резиночку, да причём ещё с поясом. Вот этот пояс, резинки и длинные эти чулки. Вот эти чулки наберёт и как... Отец, значит: «Давай скорее, давай скорее». Никто же не знал, что это учебная тревога. Думали, сейчас начнут сыпаться бомбы сверху. «Давай скорее, давай скорее». Тревожная, очень такая нервная обстановка. Никак этой ногой в этот чулок не попадёшь. Там брат ещё пищит. Брату было четыре года. Ну, в общем, кое-как оделись, выскочили... все выскочили во двор. И никто не знает. А дальше-то что делать? Ну, во двор выскочили мы из дома, а куда дальше-то деваться? Потому что у нас были двухэтажные дома, там никаких ни подвалов, ничего не было. Ни подъездов, ничего. Там просто вот лестница по улице поднимается, вдоль дома. И всё, куда деваться? Постояли-постояли, пошли в соседний дом. А соседний дом был, наверное, четырёхэтажный. Там было два корпуса. Один был на улице, второй корпус во дворе был. Для прохода в этот, во второй корпус, была арка. И те два дома выскочили под эту арку, и мы прибежали туда. Представляете, что там было? Это было вообще что-то. Не дай Бог, если бы на этот дом сбросили бы, там все бы полегли. Ну, постояли-постояли, потом вроде объявили отбой. Пошли все по домам. Вот такой был один из первых дней начала войны. Ну, потом постепенно что-то стали, бомбоубежища организовали в угловом доме в Спиридоньевском [переулке], Малой Бронной. Стали туда ходить. Там стеллажи сделали, скамейки. Туда собирались женщины с детьми. Потом налётов стало больше, чаще стали, уже действительно были налёты такие настоящие. Помню, на Патриарших, со стороны Садовой улицы, там домик стоял, по-моему, двух- или трёхэтажный. Там сбили самолёт, и он упал прямо на этот дом. Это то, что было у нас вблизи. А потом стали закрывать метро на ночь. Где-то примерно часов до шести метро работало, а потом закрывали, снимали напряжение и туда запускали. Уже мы ходили туда одно время. Вот идём, значит, с чемоданом. Самые ценные вещи в этом чемодане. Отец нас провожал до метро. Очередь была огромнейшая. Вы себе представляете это место? Вот метро, туда вот, вдоль [Концертного] зала [имени] Чайковского, спускались сюда, вниз. Сейчас там Театр сатиры, а раньше был Театр оперетты в этом здании. Мимо Театра оперетты. Мимо того самого аквариума. Там дальше была академия... Военная академия имени Ленина. И туда

дальше очередь была до Малой Бронной. Все с этими, с детьми, с чемоданами, с мешками. Вот стояли, приходили туда, стояли. Заходили в метро, спускались вниз, и туда по путям, деревянные стеллажи. Идешь-идешь, видишь, где-то место свободное, значит, ложились там, отдыхали, спали. Утром, где-то часов в пять, наверное, поднимают. Выгоняют всех из метро, в шесть часов метро открывали.

[То есть метро всю войну работало?] Метро всю войну работало. Ну в [19]41-й, [19]42-й год оно работало в таком вот режиме с шести до шести. А потом, когда немцев отогнали, налёты стали реже, в метро перестали пускать, и уже работало нормально. А потом ходили-ходили, ну тоже каждый день надоедает ходить, и потом вроде как-то уже... Потом человек ведь ко всему привыкает. И к опасности тоже. Ну, ходили-ходили, вроде всё нормально, дом стоит, дом не разбомбили, туда ничего не попало. Дежурили там на чердаке с этими, с клещами, с песком, с водой. Я сейчас уже и не помню. По-моему, что-то один раз туда какая-то зажигательная бомба туда попала, но её вроде уже так быстро и потушили. В общем, никаких таких и поблизости вокруг нас не было никаких чрезвычайных обстоятельств. И перестали ходить. Перестали ходить в метро. Потом, значит, всеми собрались жильцы и вырыли во дворе огромную траншею. Такую, в общем, в рост человека. А у нас во дворе ещё была мастерская — слесарная. И там лежали огромнейшие листы, вот так вот, наверное, 10-миллиметровой толщины, огромнейшие листы железа. Вот мы, значит, вырыли, ну, не мы, конечно, а взрослые, вырыли такую траншею. Сделали перекрытия, положили эти листы. Засыпали всё, сделали вход, и потом уже ни в какое метро, ни в какие бомбоубежища мы не ходили. Чуть чего там загудит — туда. Там столик сделали, скамейки. И уже были, так сказать, уже при доме [KEA].

6. Ночевка в метро

Когда уже прошло какое-то время [с начала войны], было не лето, это был, наверное, октябрь, стали очень долгие военные тревоги, и мы стали ходить на Новокузнецкую, на Пятницкую улицы. Там строили метро. И мы по этим ступенечкам... Причём отец и Толя никогда с нами не ходили. Никогда! Бабушка шла с нами, мама, Наташка искала свою гуттаперчевую куклу-негрятёнка. Мы шли вместе с нашей соседкой Зизи, вот эта Таня Бэба. Шли на Пятницкую со всем скарбом: подушки, одеяльца... Приходили туда, шли-шли, пока спустимся — мама говорит: «Наверное, отбой». А потом мы уже привыкли, что отбой нескорю, и там на нарах, на первом этаже — потому что мы были дети, и вот наша соседка, была у неё дочка, тоже ребёнок — нам давали первый этаж, там были двухэтажные нары. Мы ложились. Светильные светлые дощечки. Пахнет деревом, ничего не слышно, ни отбоя, ни прибоя, ничего. Мы ещё дети, вот ходили туда. [Станция]

недостроенная, там были ступеньки ещё земляные. По-моему, там был только внизу настил деревянный. И мы вот спускались — а каково было подниматься! Вместо путей справа ничего. Нет, справа тоже шли нары! Нары были деревянные. Свежее дерево, так пахло хорошо! Беленские, светленькие дощечки, и вот там спали. Могли спать ночь, могли спать до утра, могли спать даже утром рано. Поднимались и шли обратно на Ордынку, домой. Было освещение. Не такое яркое, но, во всяком случае, достаточно для того, чтобы видеть. Там и вода была. Стояли чаны, но к воде нас не пускали, это мама ходила. Там были нары, там можно было спать, там можно было лежать, там можно было встать и ходить. Не только поезда не ходили, не было даже железнодорожных путей! Я не помню, по-моему, в [19]46-м или 7-м году открыли только «Новокузнецкую» метро [ТЛИ].

7. «Черная тарелка» и заводской гудок

Ну, разные профессии жили рядом. Да, ещё, что интересно про Тушино — что очень спортивный был город. Каждый завод имел свою команду футбольную, и довольно сильную. И когда они встречались на первенство вот Подмосковья, очень даже много народу ходило. Во время войны вот там, где стадион «Салют»... за ним было всё поле и часть стадиона — это картошку сеяли, в том числе и мы. Огороды, огороды... спасались вот за счёт огородов. Ещё что в войну? А, ну то, что и до войны, и после войны — гудок заводской. Это подъём весь, все дети, там в 6 часов утра гудок... ну... Не, в 6 часов — это радио включали, гимн Советского Союза. Радио нельзя было выключать. Почему — в войну это воздушная тревога. Я помню до сих пор, как однажды я упал со стула... воздушная тревога — испугался, разбил нос. Но мы никуда не прятались, нет. Конечно, никакого отопления не было во время войны в корпусах, все делали себе печки-буржуйки. И на дровах, уголь — кто чего добудет, топили. И вот эта «тарелка» чёрная, её нельзя выключать было, потому что вот воздушная тревога, в 6 часов... Нет, заводской гудок, наверное, был часов в 7. Потому что в 6 поднимали гимном, а в 7 часов уже гнали, чтобы выходили вот на работу [ГГИ].

8. Крысы

У меня с этими... с коридором, с мытьём пола связано одно тоже такое смешное воспоминание. Дело в том, что от кухни до нашей комнаты надо был пересечь этот коридор... этот, как это сказать... Ну, в театре это — фойе, а это... Ладно, не буду тебе рассказывать. [Почему?] А просто смешно. Понимаешь, я когда мыла пол... Дело в том, что во время войны у нас были крысы. И был очень стойкий слух, что крысы нападают именно... Они были голодные. А у нашего дома была овощная база, её сделали в первые дни войны. Там солили капусту, поэтому голода мы... знали, но,

в общем, не очень, потому что нас спасали кочерыжки. Мама работала на... до завода работала на этой овощной базе, и разрешали брать кочерыжек. И кочерыжки мы... У нас был подпол, и кочерыжки мы это... мешок, мешки ставили в подпол. И, конечно, привлекли крысы. Не знаю как, но крыса оказалась в комнате. Я не помню как. А слухи, что крысы перегрызают нос детям [держится двумя пальцами за переносицу], обгрызают нос [берется двумя пальцами за кончик носа], — эти слухи были совершенно... совершенно... Я их помню, потому что я помню, как моя мама гонялась по квартире... по комнате за крысой. Она её всё-таки щёткой как-то, ну, одним словом, убила. Вот. Но у меня после этого остался жуткий страх перед крысами, жуткий. И вот в углу напротив что-то блестяло. И я почему-то вообразила себе — фантазия у меня была вы... выше крыши. Я вообразила, что э... что это глаз крысы. После этого я носилась — ведь света не было. Коптилка горела только в комнатах, на кухне ничего не было. Когда я открывала дверь своей комнаты с коптилкой, это что-то блестяло. Я боялась этого — я тебе сказать не могу как. Но однажды я решила пересилить себя: я взяла какую-то палку, днём с остервенением я протыкала это место, потом принесла стекло, разбила и в этот несчастный угол набила стекла, чтобы крыса больше не могла пролезть [смеется]. Ну, вот это смешно [ММИ].

9. Разбитая посуда

Вот здесь была одна соседка, она жила. Когда тётя Аня уехала в эвакуацию, они её полностью обокрали. «...» Папу взяли на фронт, но ведь не в один же день их всех вывозили. Значит, маме... папе нужно было отправить семью. В эвакуацию. Он их вывез, это почти месяц было. Вот ему пришла повестка, а прихо... уезжать там через месяц. Папа, например, во дворе закопал посуду. Ну, самую любимую, там чего-то вот, они остались, я их берегу, скажут: «Бережешь какую-то дрянь». Он её закопал. Он тоже ходил в комиссионки, чего-то покупал там. Ну, то, что считал ценным, что там в этой... если в этой нищете что было ценным. Вот. И закопал, но он неправильно всё сделал, конечно, поэтому всё побилось. Он это закопал и положил сверху доски. Вот маму очень уважали все соседи, ничего не тронули, украли только эти доски, надо было топить. Понимаешь? Ну, осталась эта яма там, лежали вот без ручек, и то там сломано, это без ручек, это всё из этих вот вещей. Вот он. Там они стоят. [Показывает на шкаф с посудой.] Понимаешь? Вот, жалко выбрасывать. Ну как я выброшу, это память. Да. Вот поэтому я держу всё это, скажут: «Дрянь какую-то держишь» [КМГ].

10. Тушение зажигательных бомб, разборы завалов и ночевки в метро

А дедушка, он, он вот он никуда не уезжал, всю войну провёл здесь. Днём он

работал на заводе «Каучук», вот который выпускал резиновые детали для танков, для боевых машин, а ночью на Арбате они с друзьями, мальчишками, сидели на крышах и ловили вот эти самые знаменитые зажигалки. То есть когда она прилетает, она из себя выбрасывает эти фонтаны пламени, твоя задача вот такими большими щипцами длинными, железными, взять и в ящик с песком. Вот, и таким образом они спасли очень много зданий в центре Москвы. И иногда, правда, им приходилось заниматься уже и разбором завалов. Мне дедушка рассказывал, что у него такое было самое яркое там впечатление за войну, когда он разбирал завалы и увидел маленькую тувельку девичью и из неё вот так вот нога торчит. Да, вот про войну они достаточно много рассказывали. Бабушка рассказывала, как в метро они на Маяковской ночевали, там останавливалось движение, отключали ток, настили клали, они там жи[ли], ночевали они там, спали [ДАС].

Примечания

¹ Воспоминания россиян о событиях Второй мировой войны разительно отличаются от рассказов жителей других стран-участников. Согласно недавнему исследованию, в котором более 100 человек из 11 стран (Австралии, Канады, Китая, Франции, Германии, Италии, Японии, Новой Зеландии, России, Великобритании и США) попросили рассказать о 10 наиболее важных событиях этой войны, русские «помнят» про вторжение Германии, битвы за Сталинград, Курск, Москву, Берлин, блокаду Ленинграда, т.е. иное, нежели их бывшие союзники и враги. Более или менее одинаково все помнят День «Д» — 6 июня 1944 г., когда союзные войска высадились в Нормандии [10. Р. 182].

² Отдельного упоминания заслуживает книга воспоминаний о войне, подготовленная на основе глубинных и очень рефлексивных интервью с профессиональными историками [6].

³ Различение культурной и коммуникативной памяти в деталях описано Яном Ассманом. Первая охватывает события от мифического прошлого до настоящего времени — носителями и распространителями ее оказываются специалисты (от шамана до ученого) — и воспроизводится благодаря памятникам, мифам, танцам, ритуалам; вторая охватывает два-три поколения «простых людей», распространяется чаще всего устно, для ее распространения важны устная коммуникация и наличие свидетельского опыта [3. С. 55–59].

⁴ Тексты, фотографии и аудиозаписи хранятся в архиве Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, частично доступны на портале <https://pastandnow.ru>. Там же опубликованы правила, которыми руководствуется команда проекта в своей работе от сбора до представления и анализа данных. За 2017–2019 гг. собрано более 600 интервью

о Москве, Нижнем Новгороде, Иванове, Рязани и других городах России.

⁵ В этой связи интересны наблюдения Харальда Вельцера, который пишет, что «представители поколения внуков ощущают сильную эмоциональную потребность услышать о своих предках “хорошие” истории». Он приводит данные исследования, в котором слушатели при пересказе во втором поколении формируют собственные версии услышанного. В частности, если «бабушка или дедушка рассказывают истории, где предстают отъявленными антисемитами или даже военными преступниками, слушатели «...» приводят элементы и параметры рассказанной ими истории в новое сочетание, так что антисемиты превращаются в героев Сопротивления, которые, рискуя жизнью, помогли преследуемым, или что-нибудь в этом роде» [5. С. 57].

Литература

1. 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: Победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти: Материалы к междунар. форуму (Москва, сентябрь 2005) / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2005.

2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014.

3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.

4. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложения / Под общ. ред. Н. В. Большаковой. Псков, 2016.

5. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. 2-е изд. М., 2005. С. 51–63.

6. Историки — дети Великой войны: Воспоминания / Сост. М. В. Золотухина, И. С. Пичугина. М., 2018.

7. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. 2-е изд. М., 2005.

8. Пушкирев Л. Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.

9. Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. / Под ред. О. Е. Лебедевой, М. В. Строганова. Тверь, 2002.

10. Abel M., Umanath Sh., Fairfield B., Takahashi M., Roediger III H. L. Wertsch J. V. Collective memories across 11 nations for World War II: Similarities and differences regarding the most important events // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. Vol. 8. № 2. 2019. P. 178–188.

11. Uldricks T. J. War, politics and memory: Russian historians reevaluate the origins of World War II // History and Memory. Vol. 21. № 2. 2009. P. 60–82.

12. Wertsch J. V. Voices of collective remembering. Cambridge, 2002.

Список информантов

ГГИ — Гудков Геннадий Ильич, 1939 г.р., художник, поэт; зап. в 2018 г. В. С. Елагина.

ДАС — Дыхов Александр Сергеевич, 1988 г.р., адвокат; зап. в 2018 г. Н. С. Петрова.

КЕА — Кроль Евсей Абрамович, 1931 г.р., инженер; зап. в 2017 г. Н. В. Петров, Э. Г. Матвеева.

КМГ — Колкевич Мальвина Гершовна, 1945 г.р., инженер.; зап. в 2018 г. И. С. Богатырёва.

ММИ — Игнатьева Маргарита Михайловна, 1933 г.р., педагог; зап. в 2018 г. Д. Д. Игнатьев.

ТЛИ — Топильская Людмила Ивановна, 1933 г.р., работала во Внешторге; зап. в 2018 г. И. С. Богатырёва.

ШГА — Шальнова Галина Андреевна, 1927 г.р., биолог, кандидат наук; зап. в 2018 г. Н. С. Петрова.

Исследование выполнено в рамках НИР Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе».

Наталья Сергеевна Петрова,

канд. филол. наук, Российский гос. гуманитарный ун-т, Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ (Москва)

«ТАЙНЫЕ КОМНАТЫ» МОСКВЫ

Фольклорные рассказы о городских пространствах и объектах имеют устоявшуюся традицию изучения, в том числе русскоязычную — см., например, раздел о пространстве в сборнике «Современный городской фольклор» [5. С. 409–484], подборку статей о московском фольклоре в журнале «Живая старина» (1997, № 3), номер журнала «Фольклор и антропология города», полностью посвященный городской легенде (2018, № 1), а также отдельные исследования (см.: [2; 3; 4] и мн. др.).

Представленные ниже тексты были записаны в рамках проекта «Историческая память городов» (pastandnow.ru) и демонстрируют сюжетогенерирующий потенциал не только традиционно «легендарных» мест (старинных или заброшенных зданий, объектов, связанных с известными личностями и т.п.), но и на первый взгляд совершенно обычных объектов — университетов¹, магазинов, школ, парков, жилых домов. Такие локусы при всей их повседневности и открытости обрастают историями о скрытых в них недоступных, секретных

объектах — от привычно фольклорных подземных ходов и подвалов до тайных комнат или даже целых подъездов. Сюжеты во многом обыгрывают функционал упоминаемых мест, демонстрируя их смысловую многослойность: школа/университет — заведение публичное, но ограниченное для посещения посторонними, да и сами учащиеся далеко не всегда имеют доступ к отдельным помещениям внутри; Государственный универсальный магазин — место товарного потребления — в эпоху дефицита воспринимается как источник ограниченного блага (секретная секция); парк — общественное пространство, но неизвестно, что расположено под ним (подземный ход/бункер). Воспроизводят подобные тексты и москвичи, и приезжие, и студенты, и доктора наук.

Все тексты записаны в 2018 г. в Москве.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Про тайну в МГУ — одну тайну могу даже рассказать, но она не такая уж инте-

ресная. Там про МГУ была тайна такая, что в [19]60-х годах, уже в хрущёвское время, в начале [19]60-х или в конце [19]50-х студент какой-то, как это часто бывает, не выучил экзамен в итоге и взял у одногруппника или одногруппницы тетрадку с конспектами списать, зашёл в какую-то комнату, где то ли не было номера, то ли какая-то тёмная, зашёл туда, и он понял, что он всё знает. Вышел... я уже забыл суть истории. Короче, он вышел, и там был мрачный кабинет, с паутиной, как это любят описывать, я просто не профессионал в этом, и он потом не мог найти эту аудиторию, когда одногруппник потребовал тетрадку от него, то есть она пропала в какой-то неизвестной аудитории, там типа «тайная комната», как из «Гарри Поттера», вот. И он всё сдал. То есть он сел и за секунду всё вспомнил. Вот такую историю я помню. У меня такое ощущение, что мне это кто-то рассказывал. Я ещё, помню, в Интернете об этом видел. А про остальные... ну, не помню особо истории. Люди часто придумывают, романтизируют, это нормально [ЧАЮ].

Ты слышал вот про этот вброс, что под МГУ глубоко под землёй находятся холодильники? «...» Ты его можешь спокойно найти в Интернете, есть документальный фильм про МГУ. Короче, смотри, вот когда строили главное здание. Эта территория находится в непосредственной близости